Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Перья французских романистов и кисти французских живописцев окаймили отрубленную голову Карла I такой лучистой ореолой мученика, что у нас едва хватает духу говорить о нем как о человеке обыкновенном, даже довольно слабом и бесхарактерном. При имени Карла I (мы уверены) в воображении просвещенного читателя является портрет Ван Дейка: гордо подбоченившаяся фигура и худощавое лицо с закрученными усами и остроконечной бородкой; лицо, имеющее некоторое сходство с лицом кардинала Ришелье, только без выражения лукавства, свойственного последнему…

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

Кондратий Петрович Биркин
Карл I

Джордж Вильерс, герцог Бекингэм. – Томас Уэнфсуорт, граф Страффорд (1625–1649)

Перья французских романистов и кисти французских живописцев окаймили отрубленную голову *Карла I* такой лучистой ореолой мученика, что у нас едва хватает духу говорить о нем как о человеке обыкновенном, даже довольно слабом и бесхарактерном. При имени Карла I (мы уверены) в воображении просвещенного читателя является портрет Ван Дейка: гордо подбоченившаяся фигура и худощавое лицо с закрученными усами и остроконечной бородкой; лицо, имеющее некоторое сходство с лицом кардинала Ришелье, только без выражения лукавства, свойственного последнему… Или читателю приходят на память картины Поля Деларош: «Карл I, оскорбляемый солдатами Кромвеля», «Прощание Карла I с семейством», «Кромвель над гробом Карла I» – картины, знакомые по многочисленным копиям и литографиям. Бесспорно, последний год царствования этого несчастного сына Якова Стюарта был для Карла I годом тяжких испытаний, обид и мучений, от которых его наконец избавила смерть на эшафоте… Но он царствовал двадцать четыре года, и каждый из них можно назвать ступенью лестницы, возведшей несчастного Карла I на эшафот или – низведшей его с высоты престола на степень простого гражданина, преступившего закон и наказанного *по закону*. Он страдалец и мученик – бесспорно! Однако же нельзя не обратить внимание на причины его страданий и мученической смерти. Эти причины – его ошибки и заблуждения: его неуважение к закону и к правам народным, которые он был обязан чтить и охранять свято и ненарушимо. Он сам себе сплел терновый венец мученика и сменил на него венец королевский; жить не умел, но зато умел умереть, и в этом единственная его заслуга в глазах потомства. Не соразмерив своих сил, не имея необходимой к тому энергии, Карл I отважился вступить в борьбу с народом, и его падение было неминуемым и весьма естественным следствием непосильной отваги.

Карл родился в Думферлинге, в Шотландии, 29 ноября 1600 года. Он был третьим сыном короля Якова и королевы Анны; после смерти старших братьев, Генриха и Роберта (в 1616 году), был провозглашен наследником престола. В детстве прелестный, кроткий и покорный ребенок, Карл в юности отличался если не

особенно богатыми способностями, то старанием в учении и склонностью к богословским и философическим диспутам. Непритворно набожный, он свято чтил постановления англиканской церкви, сохраняя при этом дух веротерпимости в отношении вероисповедания католического. Свидетель распутств своего отца, Карл не осмеливался выказывать ему своего негодования и смиренно молчал во всех тех случаях, когда даже имел полное право заметить отцу все неприличие его поступков. Король Яков не любил ни правды, ни прямодушия; вследствие этого Карл постепенно приучил себя ко лжи и лукавству, и эти пороки (приличные рабу, но в монархе непростительные) развились в нем с годами, чему немало способствовал и Бекингэм, не замедливший подчинить наследника престола своему влиянию, подавлявший в нем добрые чувства и всеми мерами способствовавший нравственной его порче. Этому демону удалось сделать труса – из человека миролюбивого, криводушного – из правдолюбца. Сначала Карл не ладил с временщиком и пытался свергнуть с себя его непрошеную опеку; но однажды после горячего спора, при котором Бекингэм позволил себе поднять на него руку, сын Якова Стюарта смирился и признал над собою власть отцовского любимца. Когда испанский посланник Гондомар предложил королю Якову породниться с Филиппом IV путем бракосочетания Карла с инфантою, доною Мариею, Бекингэм (подкупленный испанским золотом) сумел обольстить неопытного юношу рассказами о прелестях его нареченной невесты и победить в нем невольную к ней антипатию.

Во время пребывания Карла в Мадриде Бекингэм, не гнушаясь ролью сводника, всячески старался содействовать принцу к одержанию преждевременной победы над сердцем инфанты, гордой дикарки, воспитанной в правилах крайнего ханжества и инквизиционной нетерпимости. Когда же дальнейшие действия мадридского кабинета доказали тупоумному Якову, что сватовство было только хитрой мистификацией со стороны короля испанского, Бекингэм с не меньшим усердием начал стараться о женитьбе принца Карла на сестре короля французского Людовика XIII принцессе Генриэтте. Он в качестве свата ездил в Париж и уладил этот несчастный брак, ознаменовав пребывание свое при дворе Людовика XIII скандальной интригой с его супругою. 11 июня 1625 года принцесса Генриэтта прибыла в Дувр; 12-го числа того же месяца совершилось ее бракосочетание с Карлом I в Кантербьюри, а 16-го происходил торжественный въезд новобрачных в Лондон. Радостно приветствовал народ доброго короля и его прелестную супругу; но восторг его был бы еще живее, если бы в толпе царедворцев, на

первом месте, не торчала красивая, но всем ненавистная фигура надменного Бекингэма. Некоторые из зрителей, глядя на него, разодетого в парчу, бархат и с головы до ног осыпанного жемчугами и бриллиантами, называли Бекингэма «гробом повапленным». Другие, еще того остроумнее, сравнивали его с «содомским яблоком», одним из растущих, по сказаниям библейским, на берегах Мертвого моря; эти прекрасные, румяные и на вид сочные плоды наполнены гнилью и смрадом… Таков и действительно был герцог Бекингэм – величавый красавец, у которого сердце было точно так же испорчено, как сердцевина в содомском яблоке, да и сам он в начале блестящей своей карьеры был истинным содомитянином.

Брачные пиршества продолжались два дня; на третий (18 июня) королем был созван парламент. На этом шумном собрании высшего дворянства и выборных от народа по предложению Карла I обсуждался вопрос о выдаче субсидий для продолжения войны с Испанией, начатой по желанию народному. Парламент сначала отвечал королю отказом; когда же Карл решился настоятельно требовать субсидий, ему предложили вместо необходимых 700 000 только 120 000 фунтов стерлингов. Впервые, со времени своего существования, парламент обнаружил такое дерзкое своеволие. Он вступил в открытую борьбу с королевской властью не из ненависти к Карлу I, нет! но единственно из нежелания повиноваться Бекингэму, устами короля вздумавшему повелевать парламентом. Временщика ненавидели все столько же, сколько и боялись. Вернейшими его клевретами были в это время архиепископ Лауд и знаменитый чернокнижник и астролог доктор Лэм. С обеими королевами, родительницею и супругою Карла I, Бекингэм обходился с непозволительным высокомерием. Однажды, когда молодая королева напомнила временщику о великом расстоянии между ним и ею, Бекингэм дерзко отвечал:

– У нас, в Англии, иным королевам и головы рубили!

Жалоба, принесенная королевою ее супругу, была оставлена им без внимания. Он сознавал весь стыд быть во власти временщика и не имел духу столкнуть его с той высоты, на которую он забрался еще при покойном Якове I.

Невзирая на отказ парламента королю в выдаче ему субсидий, война с Испанией продолжалась на деньги, занятые у вельмож и косвенными податями выжатые из народа. Экспедиция Бекингэма в Кадикс, безуспешная и позорная, пуще прежнего ожесточила парламент и народ. При заседании обеих палат 9 мая 1626 года пэры и депутаты настоятельно требовали от короля увольнения Бекингэма и предания его суду как государственного

изменника. Вместо того чтобы уступить народному требованию, король распустил парламент, сурово объявив ему, что отныне будет управлять государством без сотрудников. «Советовать мне можно, – сказал он при этом, – но водить себя на помочах не позволю никому…» Никто при этом не досказал: «кроме Бекингэма!» Депутаты, особенно настойчиво требовавшие увольнения временщика, сами были отправлены в Тауэр. Для покрытия издержек на неудачный испанский поход король прибегнул к внутреннему займу, к увеличению налогов, к которым присоединился новый – именно: военный постой, насильно навязанный городским и сельским обывателям. Буйная солдатчина, по обыкновению, принимая дома сограждан за завоеванные у неприятелей, бесчинствовала, оскорбляла жен и дочерей, силою отнимала у мужей и отцов последнее имущество. На эти насилия и вообще на последние распоряжения короля депутаты принесли ему формальную жалобу. При этом особенно горячо отстаивал народные права депутат *Томас Уэнфсуорт.* За эту дерзость он был заключен в Тауэр, впрочем, ненадолго. Сознавая, что депутат был прав, Карл I заменил тюремное заключение высылкою Уэнфсуорта в графство Кент. Таким образом, истинные сыны отечества подвергались опале, а временщик, достойный виселицы, торжествовал и кичился пред многочисленными врагами. Гнусные его поступки, подобно едкой кислоте, пятнали королевскую порфиру, и она тлела на плечах Карла I неприметно для него самого. С этого времени парламент и король составили два враждебных лагеря, готовившихся к борьбе за главенство над народом. Карл ссылался на свои права родовые; парламент на свои права благоприобретенные, дарованные ему законом и древнею хартиею… Стоглавая гидра республики готовилась ринуться на змея деспотизма, пытавшегося опутать Англию своими кольцами. Уступить народу не позволяло Карлу I чувство собственного достоинства; бороться с народом было ему решительно не под силу… Как утопающий за соломинку, он держался за Бекингэма.

Презренный временщик между тем тратил время и деньги на волокитство, продолжая вести свою интригу с Анной Австрийской. Людовик XIII не пожелал его принять в качестве посла, и Бекингэм решился вторгнуться во Францию как полководец. За предлогом к объявлению войны дело не стало: помощь кальвинистам была предлогом самым благовидным, к которому даже и парламент не мог отнестись несочувственно. Французская кампания 1627 года началась экспедицией графа Денби, зятя Бекингэма, на остров Ре. Она окончилась точно так же позорно, как и экспедиция в Кадикс. Потеряв без толку

множество людей, Денби со стыдом возвратился на родину. Кальвинисты Ла-Рошели, оставленные без помощи, испытали всю тягость мщения, обрушенного на них кардиналом Ришелье. Все эти неудачи принудили Карла I созвать парламент в третий раз (17 марта 1628 года). Заседание открылось очень мирно и дружелюбно. Члены верхней палаты в льстивых своих речах называли короля *святилищем добродетелей;* депутаты держали себя скромно и почтительно. Это было затишье перед бурей: она разразилась с обеих сторон, когда король отклонил просьбу парламента о возвращении ему прежних прав, а сам в то же время потребовал субсидий от парламента… И на этот раз заседание окончилось подобно предыдущим, и некоторые из членов нижней палаты со своих скамеек попали в Тауэр. Герцог Бекингэм, вопреки воле народной, был объявлен главнокомандующим армии и флота для новой экспедиции в Ла-Рошель. Флот был собран на Темзе; сухопутные войска были сосредоточены в Гаспорте и Фарнгаме. На этот раз ярость народная уже не знала предела, и жертвою ее, предтечею Бекингэма, пал достойный его клеврет доктор Лэм.

В глазах простого народа – чернокнижник; в глазах людей образованных – торговец ядами, отъявленный мошенник и преступник, неоднократно избавленный от суда благодаря ходатайству своего патрона, доктор Лэм не миновал наконец своей участи. Поздно вечером 18 июля 1628 года он возвращался из театра и проходил через Сити – квартал, населенный чернью и обильный трущобами. Несколько уличных мальчишек, заметив Лэма, стали его преследовать с криками: «колдун! дьявол!!» Доктор, выбежав из Сити в Чипсайд, попросил встретившихся ему матросов защитить его от уличников, и матросы, благодаря щедрой подачке, полезли в драку… За мальчишек вступились взрослые, и произошло побоище нешуточное. Пользуясь суматохой, Лэм бросился в ближайшую таверну; но хозяин, опасаясь, что ее разнесут по камням, выгнал доктора на улицу. Началась травля несчастного, травля, на которую может быть способна только буйная чернь, в остервенении своем всегда превращающаяся в дикого зверя. Лэм, преследуемый сотнями полупьяных мастеровых, рыбаков, лавочников и матросов, бежал по улице, осыпаемый комьями грязи и булыжниками. С размозженной головой, с переломанными ребрами, залитый кровью, полурастерзанный, он был поднят на мостовой и перенесен в Комтерскую тюрьму, где и умер. Всю ночь по всем улицам Лондона раздавались веселые крики: «Дьявол околел! Дьявол издох!!» В это же время, неведомо чьей рукой, портрет Бекингэма, висевший на стене в верховном суде, был сброшен на

пол.

Когда Карлу I донесли о беспорядках в Сити, он, в наказание тамошних обывателей, лишил их прежних привилегий и преимуществ. «И герцогу будет то же!» – отвечали граждане. На новые угрозы короля они отвечали, вывесив на воротах Сити надпись, что «герцогу Джорджу не миновать участи доктора Лэма!».

Должно заметить, что чернокнижник всегда уверял герцога, будто между их бытием есть таинственная связь и смерть одного будет предзнаменованием близкой смерти другого. Бекин-гэм, эта *красавица* в мужском теле, был суеверен, как последняя рыночная торговка. Весть об убиении Лэма поразила его как громовой удар, и он в предчувствии гибели решился отказаться от начальства над войсками… На этот раз, впервые в жизни, Карл I приказал любимцу повиноваться королевской воле. Будто сама судьба устами короля говорила Бекингэму в эту минуту: что посеял, то и жни!

Как в армии, так и во флоте, при совершенной разнузданности, господствовал дух неповиновения и ненависти к герцогу, которого вместо радостных кликов приветствовали ропотом, чуть не бранью. Жители городов, через которые следовали военные отряды, смотрели на них как на шайки разбойников, и солдаты своими бесчинствами вполне оправдывали это нелестное о них мнение. Напутствуемые проклятьями сограждан, они сами проклинали ту власть, которая посылала их на смерть ради прихоти пустоголового баловня счастья. Каждый солдат задавал себе вопрос: да из-за чего мне подставлять лоб под пулю? Что мне французские кальвинисты и что я им? Миновали для короля английского те блаженные времена, когда солдаты по мановению его руки очертя голову шли в огонь и в воду, подуськиваемые криком: *«За короля и отечество!»,* хотя бы война была объявлена из-за какого-нибудь поношенного башмака его величества… Теперь народ рассуждал и мыслил, а здравый смысл в народе – самый мощный реактив деспотизму. Потому-то деспоты всегда так и радели о невежестве народном, употребляя все средства для наложения тормозов на народное образование. Не стадо покорных волов, ведомых на убой, встретил Бекингэм в королевских войсках; это были стада разъяренных зверей, способные растерзать смельчака, воображающего, что он может быть их укротителем. В Гаспорте солдаты взбунтовались, и при усмирении бунта четверо были убиты. В городе Ботлее между ними и горожанами произошло весьма серьезное столкновение. В Спидгете матрос нагрубил Бекингэму и за это был арестован, но товарищи, смеясь над

властью, выручили его из-под ареста.

Наконец, герцог прибыл в Портсмут и занял квартиру на главной улице, в доме, принадлежавшем капитану Масону. При главнокомандующем находилась огромная свита адмиралов, военачальников и знатных дам, явившихся провожать в поход свое красное солнышко. В субботу 23 августа 1628 года у него было собрание, на котором лорд Дорчестер объявил, что осада Ла-Рошели снята и едва ли есть надобность отправляться в поход. Эта весть обрадовала полудержавного Адониса, но бывший при нем герцог Фонтенуа требовал настоятельно, чтобы герцог не медлил и не верил ложным слухам. Покуда эти переговоры шли в доме главнокомандующего, на улицах Портсмута происходили сильные волнения; матросы, проклиная временщика, вступили в драку с его солдатами и только благодаря дружному напору кавалерийского отряда были оттеснены к гавани. Главный зачинщик, по повелению Бекингэма, был схвачен и повешен. Несмотря на настояния герцога Фонтенуа, Бекингэм, отложив отплытие в Ла-Рошель, намеревался ехать к королю для личных объяснений. Дорожный экипаж был подан, и Бекингэм по узкому коридору шел на крыльцо. Вдруг лорд Клевеланд, шедший за ним, услыхал глухой удар и кем-то шепотом произнесенные слова: «Господи, помилуй его душу!» В эту же минуту герцог, шатаясь, силился выхватить из груди нож, вонзенный в нее сильною рукою невидимого убийцы.

– Злодей! – пролепетал временщик и, захлебываясь своей кровью, бездыханным трупом рухнул на землю.

Так погиб на тридцать седьмом году от рождения[1] могущественный герцог Бекингэм, в течение тринадцати лет разыгрывавший в Англии первостепенную роль во главе правительства, имевший множество врагов, но не имевший ни одного соперника. Спокойствие короля, народа было для этого человека игрушками, которыми он располагал по своему произволу. Не коронованный, он был настоящим королем при двух королях-автоматах и, не возведенный на престол, сидел на нем, оскверняя его своим прикосновением.

В первую минуту убиения герцога спутники его подумали, что он пал от руки герцога Фонтенуа; но неосновательное это подозрение рассеялось, когда из толпы народа, теснившейся у крыльца, вышел среднего роста человек, смуглый, без шляпы, в запыленной одежде, и громко произнес: «Я убийца!» денный производством в чине и не получивший следующего ему жалованья. Но не эти обиды были причиною убиения герцога. Зная, что Бекингэм объявлен государственным преступником, Фельтон решился покарать его за все злодеяния и в то же время

пострадать за правое и святое дело. Это был фанатик, из породы наших раскольников, безропотно слагавших головы за свои убеждения, изменить которые не в состоянии были ни власть, ни сила. Весть об убиении Бекингэма застала Карла I за утренней молитвою. Король залился слезами и объявил, что у Фельтона должны непременно быть соучастники между членами нижней палаты, и как на главнейшего из них он указал на Эллиота, еще недавно обвинявшего временщика в своей сильной, громовой речи. По королевскому повелению Фельтона привезли в Лондон. Путь убийцы от Портсмута до столицы можно было назвать триумфальным шествием победителя. Повсеместно народ восторженно его приветствовал, называя его Давидом, победившим Голиафа, и призывая на него благословение Божие. Не только гуляки в тавернах, даже студенты в Оксфордском университете пили за здоровье героя Фельтона. Все, от мала до велика, молились за него как за освободителя отечества; поэты в его честь сочиняли оды и хвалебные гимны. О Бекингэме, кроме короля, сожалели только его клевреты и любовницы. Для следствия по делу об убиении герцога назначена была особенная комиссия под председательством архиепископа Лауда. Желая выведать от Фельтона имена небывалых сообщников, Лауд пригрозил ему пыткою.

– Под пыткою я и вас могу назвать моим сообщником! – весьма справедливо отвечал Фельтон.

Король приказал пытать упрямца; верховный, уголовный суд не только воспрепятствовал этой варварской мере, но даже приказал истребить все орудия пытки. Если бы Карл I помиловал Фельтона, он, без сомнения, воротил бы утраченную народную любовь, но о ней он всего менее заботился. Убийца Бекин-гэма был приговорен к казни и, покорный своей участи, погиб как герой и был оплакан как мученик.

Вскоре после казни Фельтона был созван парламент для обсуждения вопроса о субсидиях и о налогах. В первых было отказано, а что касается до вторых, то парламент объявил короля лишенным права налагать подати. Сверх того, один из членов нижней палаты обвинил короля в потворстве католикам, а архиепископа Лауда в искажении основных догматов англиканской церкви. Этот молодой смельчак был не кто иной, как *Оливер Кромвель,* двадцать лет спустя – протектор Английской республики. Король объявил парламенту через посланного, что заседание прекращается; но, не обращая на это приказание ни малейшего внимания, члены продолжали размениваться речами, имевшими главною целью крайнее ограничение прав королевских. Наконец единогласно было

утверждено три следующих предложения:

1) Всякий переменивший религию да будет признан врагом общественного спокойствия.

2) Всякий взимающий пошлины с меры и веса (т. е. король), будет считаться врагом отечества и

3) таковым же будет признан каждый торговец, который будет вносить вышеупомянутые подати.

Отменить этих постановлений парламента король не имел права; но никто и не осмелился воспрепятствовать ему арестовать и заключить в Тауэр девятерых членов нижней палаты, особенно горячо отстаивавших права народные. Все они, после более или менее продолжительного заключения, были освобождены, уплатив значительные пени, и только один Эллиот скончался в темнице, не желая смириться перед королем и купить свободу ценою унижения или отступничества от своих убеждений. Прав или неправ был король, поступая таким образом с народными представителями, но как бы то ни было – спокойствие было водворено и власть королевская, которую парламент хотел ограничить, приняла размеры власти самодержавной. Сотрудниками Карла I в эту мрачную эпоху были архиепископ Лауд и Томас Уэнфсуорт, известный более под именем графа Страффорда. С точки зрения народной, и он, подобно Бекингэму, был временщик, но между тем и другим какая же неизмеримая разница! Место Бекингэма, занятое Страффордом, было загрязнено его предшественником, сам он был чист, безукоризнен и настолько же высок и честен, насколько Бекингэм был низок и подл. Новейшие историки (в том числе и Диксон) отзываются о графе Страффорде с пренебрежением и вообще стараются выставить его в невыгодном свете; причина тому весьма понятна. Эти господа судят о последнем любимце Карла I с предубеждением тех пристрастных либералов, для которых каждый приверженец монархии должен быть непременно злым, а республиканец прекраснейшим человеком. Справедливо ли это? Почему же, воздавая должное должному, не чтить в равной степени память каждого человека, пожертвовавшего жизнью за свои убеждения? По крайнему нашему разумению, роялисты первой Французской революции, слагавшие свои головы под топор гильотины с криком: «Да здравствует король!», точно такие же герои, как и жирондисты, умиравшие с возгласом: «Да здравствует свобода!» Память Страффорда тем более достойна уважения, что он, как увидим, был принесен в жертву народной ярости именно тем человеком, права которого он защищал до последней своей минуты… Человек этот был сам король, Карл I.

Прошло пять лет со дня великого переворота,

совершившегося в правлении. Карл властвовал как самодержец, парламент замолк и не вступал более в борьбу с единодержавием. Бурные волны революции, еще недавно угрожавшие престолу, вошли в свои берега и угомонились… до новой бури. Если бы король сам умел держаться в пределах благоразумия, не преступая в своем правительстве той демаркационной линии, которая отделяет монархию от деспотизма и тирании, прочный мир мог бы водвориться в Англии. К несчастию, Карл I, подобно всем слабым характерам, впал из одной крайности в другую. Было время, он миловал людей, достойных казни, теперь начал преследовать и карать невинных или, по крайней мере, заслуживавших снисхождения. Телесные наказания, каторжные работы, ссылки, тюремные заключения были неизбежными результатами судебных приговоров; подати взимались вооруженною рукою. К довершению зла во все церкви Англии было введено богослужение с изменениями, введенными в него архиепископом Лаудом. Эти изменения во многом отличались от обрядов первобытной англиканской церкви и были схожи с обрядами католическими. Это посягательство на предмет неприкосновенный возбудило ропот в многочисленных старообрядцах, блюстителях *древнего благочестия,* именовавшихся *пуританами.* От столкновения короля с этими фанатиками вспыхнули первые искры мятежа, превратившегося вскоре в страшное пожарище революции.

Покойный король Яков неоднократно и безуспешно пытался соединить Шотландию с Англиею посредством введения в обоих королевствах одних и тех же законов, судебных учреждений и богослужебных обрядов (так как литургия англиканской церкви несколько разнилась от литургии шотландской). Задавшись этой же самой несчастной мыслью, Карл I решился начать объединение королевств именно введением единообразной литургии. Лауд, по желанию короля, взял на себя труд приступить к этому важному преобразованию и именно в это время встретил сильного противника в лице адвоката *Вильяма Прайна,* даровитого писателя и вместе с тем закоснелого пуританина. В небольшой книге «Бич скоморохов» (Scourge for stage players) Прайн, называя театр бесовскою потехою, затронул и Лауда, говоря, что по его милости ныне и церковь Божия превращена в театр и богослужение смахивает на комедию. Книга Прайна была напечатана с разрешения цензуры, но Лауду ничего не значило обвинить Прайна в самовольном ее издании, причем он показал королю и королеве некоторые страницы, содержавшие будто бы дерзкие намеки на поведение их величеств. По королевскому повелению книга была конфискована, а Прайн,

вместе с издателем и типографщиком, были отданы под суд Звездной палаты. Она приговорила книгу к сожжению рукою палача, а Прайна к лишению прав и званий, к выставке у позорного столба, к от-рублению ушей и к четырехлетнему тюремному заключению… Далее увидим, что гонения Прайна этим не кончились.

Бедственное положение Ирландии настоятельно требовало самых энергичных мероприятий. Между тамошними католиками и протестантами происходили частые и довольно серьезные столкновения; земледелие, при скудости почвы, было в упадке; народ, страдая от голода и от эпидемий, коснел в невежестве, так как в Ирландии не было ни порядочно организованного сельского хозяйства, ни народных школ. Наместником в этот несчастный край Карл I назначил Уэнфсуорта, и королевский любимец явился ангелом-спасителем Ирландии. Он сумел, не притесняя протестантов, оградить от их произвола угнетенных католиков; оживив земледелие и промышленность, повсеместно учреждал школы, приюты, больницы и в короткое время снискал благословения народа как гениальный администратор. Покуда Уэнфсуорт призывал к жизни бедную Ирландию, Карл I и архиепископ Лауд бросили в Шотландию первые искры религиозных мятежей. Желая лично ознакомиться с духом и настроением умов в Шотландии, король в 1633 году посетил это королевство и был принят тамошними своими подданными восторженно. Преобразования в литургии пресвитериан, сделанные Лаудом, отвергнуты не были, так как покуда были еще незначительны. Пользуясь этой уступкою со стороны народа, Карл I поспешил приступить к изменениям обрядов более существенным. Это посягательство на уставы церкви пресвитерианской возбудило ропот, перешедший в открытый бунт, когда (в 1637 году) Лауд вздумал служить новую обедню в Эдинбургском соборе. Толпы (пресвитериан) бегали по улицам с отчаянными криками: «Пре-свитерианизм или смерть!» К ним присоединились и пуритане (старообрядцы), и волнения народные приняли угрожающий характер. Образовалась религиозная уния, известная под именем *Ковенанта.* Предводители мятежников обвинили епископов в приверженности к католицизму и поэтому объявили их отрешенными от их должностей. Бродяги обоего пола, выдавая себя за вдохновенных свыше, призывали простой народ к защите церковных прав от покушений папистов, как называли Лауда и Карла I. Последний вызвал из Ирландии Уэнфсуорта, умоляя его содействовать усмирению мятежной страны. Прайн, несмотря на свое заточение в Тауэре, писал и выпускал в свет памфлеты

возмутительного содержания против религиозных реформ. За это по приговору Звездной палаты он, Бастуик и Бертон – его единомышленники – были приговорены к пожизненному тюремному заключению, а Прайн, кроме того, и к заклеймению железом обеих щек. Пуритане признали его мучеником. На соборе народном, созванном в Глазго (21 ноября 1638 года), Ковенант был единогласно принят, а власть Карла I над королевством шотландским была объявлена отринутою. Шайки шотландских инсургентов соединялись в целые полки и под предводительством *Лесли* двинулись к границам Англии.

– Дайте парламент Ирландии и объявляйте войну шотландцам! – так говорил Уэнфсуорт растерявшемуся королю.

Но чтобы воевать, нужно было иметь войска и деньги, а у Карла I не было ни тех ни других. Тогда Уэнфсуорт, ссудив короля 30 000 фунтов стерлингов, на собственное иждивение снарядил три полка, обнародовал воззвание к ирландцам о пожертвованиях в пользу Карла I и об ополчении на его защиту. Клич Уэнфсуорта не остался без ответа: в короткое время было собрано до 28 000 правильно организованного войска, котороес 5000 человек матросов могло смело вступить в бой с мятежниками. Именно в эти решительные минуты король медлил и, уклоняясь от междоусобия, вопреки советам Уэнфсуорта, вступил в переговоры с предводителями инсургентов. Переговоры эти происходили в Беруике и 17 июня 1639 года окончились перемирием, основным условием которому положено было обоюдное разоружение враждовавших сторон. Верный договору, Карл I распустил свои войска, но инсургенты оружия не сложили, продолжая угрожать королю вторжением в английские пределы. Это вероломство шотландцев требовало примерного наказания, и опять верный Уэнфсуорт, не щадя на военные издержки собственных денег, деятельно занялся новым набором войск и благодаря поддержке ирландского духовенства (пожертвовавшего шестую долю с церковных доходов) с 11 000 солдат прибыл в Честер, но здесь, к несчастью для Карла I, опасно заболел. Парламент совершенно безучастно относился к бедственному положению короля, а в нижней палате главными коноводами были пуритане, искренние доброжелатели мятежников и заклятые враги Карла I и Уэнфсуорта. Так как в пожертвованиях на войну участвовали безразлично протестанты и католики, этим обстоятельством не могли не воспользоваться пуритане, чтобы обвинить Карла I в небывалых умыслах водворить католицизм во всех трех королевствах как владычествующее вероисповедание. Таким образом, политический вопрос сливался с вопросом религиозным, и это слияние особенно содействовало брожению

умов и волнению страстей, будто соединению двух газов, угрожавших монархии в недальнем будущем гибельным взрывом. В благодарность Уэнфсуорту за все его старания к усмирению мятежа король пожаловал его в графы Страффорд. Положение дел с каждым днем ухудшалось, и необходимость заставила Карла I прибегнуть к содействию парламента и просить о выдаче субсидий. Сторону его приняли *Гайд* и *Гленушлл;* парламент изъявил согласие помочь королю, но министр его, Генрих Вэн, умышленно увеличил сумму требуемых субсидий, и члены парламента, пуритане, настояли на отказе королю (5 мая 1640 года). Пламя революции, разгораясь с каждым днем, приняло ужасающие размеры. Толпы черни и рабочих устремились на дом архиепископа Лауда; перебили стекла, посуду, переломали мебель… Городские власти безмолвствовали не столько от сознания своего бессилия, сколько от ненависти к королю. Последний вместе с графом Страффордом и Лаудом удалился в Йорк, а пуритане, пользуясь этим, беспрепятственно вступили в Англию. Страффорд опять настоятельно требовал от Карла I полномочия – вытеснить мятежников, обещая в несколько дней опрокинуть их в пределы Шотландии… Король медлил, оправдываясь жалостью к заблудшим подданным, с тщетной надеждой, что они образумятся. Желая доказать Карлу I, как легко сладить с круглоголовыми,[2] Страффорд сразился с ними близ Дургама и обратил в бегство; но испуганный король приказал ему немедленно отступить, а сам вошел в переговоры с вождями мятежников (16 октября 1640 года). Условия предписывали они ему, не он им. Они требовали, чтобы он немедленно распустил свои войска, а им, мятежникам, уплатил причитающееся им жалованье, и Карл согласился! Чем бы историки ни оправдывали этого малодушия, оно ни в каком случае не простительно. Это была вопиющая несправедливость в отношении к Страффорду и предводительствуемым им войскам. Одной ошибкой поправляя другую, Карл I созвал парламент, известный в истории под именем *долгого* (long parlament), в течение десяти лет управлявший королевством. На первом же заседании пуритане и главные двигатели народного восстания выразили королю общее желание, чтобы он был отстранен от правительства. *Пим,* обвиняя графа Страффорда в государственной измене и в подстрекательстве короля к междоусобию, потребовал, чтобы этот единственный защитник Карла I был отдан под суд. Невзирая на протест короля, Страффорд и архиепископ Лауд были заключены в Тауэр. Началось судбище. Народ судил человека, дерзнувшего отстаивать права монархии против посягательств республики;

решение суда не могло быть сомнительно, и Страффорду был произнесен смертный приговор. Играя законом, республиканцы не взяли на себя утверждения приговора, но представили его для подписи королю. В эти ужасные минуты сама судьба представляла Карлу на выбор одно из двух: или самому пасть жертвою народной ярости, или выдать ей на жертву своего недавнего ангела-хранителя. Карл избрал второе и, заливаясь слезами, утвердил смертный приговор над Страффордом! Далее этого, в унижении своем, король идти не мог, и, кроме эшафота, на котором он искупил свои ошибки, идти ему более было некуда!

Невозмутимо, с гордой улыбкой Страффорд выслушал свой смертный приговор и просил только три дня сроку на приведение в порядок своих домашних дел, в чем ему было отказано. В день казни, 15 мая 1641 года, Бальфур, наместник Тауэра, явился к Страффорду и объявил ему, что карета готова.

– Зачем карета? – спросил Страффорд.

– Для вашей безопасности, – отвечал Бальфур, – так как я не ручаюсь за народ, который способен растерзать вас…

Страффорд побледнел, однако же с улыбкою презрения спокойным голосом произнес:

– Нет, милорд, ваши опасения совершенно напрасны. Я не намерен прятаться от смерти и готов смело смотреть ей в глаза. Мне все равно: умирать ли от руки палача или быть истерзанным безумной чернью.

Сопровождаемый графом Ньюпорт, примасом Армагом, графом Клевеландом и многими вельможами, Страффорд остановился под окном каземата Тауэра, в котором содержался Лауд, и, преклонив колено, громким голосом попросил узника дать ему благословение на жизнь вечную. Лауд протянул руки сквозь решетки, но, не имея сил ни слова выговорить в ответ, отшатнулся от окна и без чувств упал на пол темницы.

– Да защитит Господь Бог вашу правоту! – громко воскликнул Страффорд и отправился на место казни, не обращая внимания на проклятия толпы и на возгласы пьяных баб из простонародья, возгласы, напоминавшие визг голодных гиен, алчущих мертвечины. Безжалостен был народ, права которого Страффорд в былые времена так же усердно ограждал от насилия королевского, как теперь готовился сложить голову на плаху, отстаивая законные королевские права от посягательства на них народа… Этот народ, говорим мы, был безжалостен; но не таков был палач, которому суждено было обезглавить Страффорда.

– Милорд, – произнес он, заплакав и опускаясь перед ним на колени, – прощаете ли вы мне?

– И тебе, и всем! – отвечал Страффорд, ласково положив ему руку на плечо.

С молитвою на устах, с лицом белым, как мрамор, и, как мрамор, бесстрастным, последний защитник короля Карла I положил голову на плаху, и через минуту эта голова рухнула на окровавленный пол эшафота.

Временщик! тиран! притеснитель народа! Так и доныне некоторые историки относятся к памяти этого мученика. Пусть будет так, но сложить голову за свои убеждения, во всяком случае, честнее и похвальнее, нежели, подобно многим господам из разряда пишущей братии, торговать своими убеждениями и в угоду либералам позорить память честного человека, героя.

Томас Уэнфсуорт, граф Страффорд погиб сорока девяти лет; он родился в Лондоне 13 апреля 1593 года. Оплакивая его, Карл I сказал, что Страффорд его счастливее – и не ошибся: в последнюю минуту казненного совесть не укоряла его ни в измене, ни в предательстве.

После казни Страффорда парламент окончательно прибрал к рукам верховную власть, располагая участью короля и всего королевства со всем деспотизмом, свойственным черни, мстящей свергнутому властителю. Из министров Карла I канцлер *Финч* и государственный секретарь *Уиндебанк* бежали из Англии на континент. Шотландские пуритане и *индепенденты* (независимые) побратались с английскими подданными короля; город Лондон вручил предводителям мятежа свыше 300 000 фунтов стерлингов, собранных из добровольных пожертвований. В Ирландии свирепствовали усобицы между католиками и протестантами… Повсеместно царил дух хаотического безначалия, и несчастный Карл I, король по имени, но лишенный власти, был как овца, окруженная стаей бешеных волков. Отняв у него власть, парламент отнял и право располагать войсками. Лорд *Фалькланд* с горстью немногих приверженцев и часть войск, еще не изменивших королю, защищали его до последней крайности. Междоусобная война королевских войск с парламентскими началась в апреле 1642 года. Победы Оливера *Кромвеля* при Мерстн-Муре (1644) и Нэзби (в июне 1645 года) доказали Карлу I, что дело его проиграно окончательно.

Оставим на время несчастного короля и займемся характеристикой его могучего противника.

Приверженцы Стюартов, враги и ненавистники Кромвеля, еще при его жизни распустили молву, будто он был сыном простого пивовара. Эта выдумка, подхваченная многими историками, перешла и к позднейшему потомству, но в недавнее время вопрос о происхождении Кромвеля решен в его пользу. Сказать по

правде, если бы даже он действительно был сыном пивовара – тем более ему чести и славы, что из ничтожества он, благодаря своим дарованиям, достиг престола, хотя и под именем протектора; но отец его пивоваром никогда не бывал, и фамилия Уильямс, которую отец Оливера переменил на фамилию Кромвель, была дворянская, хотя и не из особенно важных. Оливер родился 25 апреля 1599 года и с самых младенческих лет обнаружил богатые задатки характера мощного и силы воли непреклонной. Какая-то особенная инстинктивная ненависть к дому Стюартов проявлялась в нем с семилетнего возраста. Однажды кто-то из знакомых подарил маленькому Оливеру несколько гравированных картинок, и в числе их портрет короля Якова I. Хотя в этом лице не было ничего безобразного, Оливер разорвал портрет в мелкие куски и запальчиво топтал их ногами. Не любил он резвиться со сверстниками, хотя при случае не прочь был пошалить, но шалости его всегда носили на себе отпечаток злости и страсти досаждать другим. Не по летам задумчивый, Кромвель-мальчик по целым дням бродил по пустынным окрестностям отцовского дома либо безмолвно просиживал в углу и терпеть не мог, чтобы его тревожили расспросами или докучали ему нравоучениями. На пятнадцатом году возраста он, по собственному признанию, тогда же сделанному своей матери, имел чудесное видение – физически возможное мальчику с пылкой фантазией и живым воображением. В сумерки Оливер лежал на постели в своей комнате и не дремал, а находился в расположении духа, свойственном лентяю, наслаждающемуся праздностью. Внезапно полутемная комната озарилась странным светом; призрак молодой, величавой женщины в длинном белом одеянии подошел к мальчику и сказал ему звучным голосом:

– Тебя ожидает великая и славная будущность… Ты достигнешь высоты, многим тысячам людей недостижимой, и будешь первым лицом в королевстве!

Мать Оливера, выслушав его рассказ, побранила мальчика за глупые выдумки: он клятвенно ручался ей за истину своих слов, и впоследствии времени, когда пророчество призрака сбылось, Кромвель неоднократно вспоминал о нем в кругу своих приближенных.

Отданный матерью в Кембриджский университет, он особенным прилежанием не отличался. В надежде обеспечить его в будущем верным куском хлеба мать Кромвеля предложила ему посвятить себя адвокатуре и заняться правоведением. С этой целью молодой человек отправился в Лондон, но здесь вместо изучения законов он стал, напротив того, беззаконничать, безобразничать, ведя себя как отъявленный мот и гуляка. Новая

забота бедной матери: какие средства употребить, чтобы повеса образумился и остепенился? Бедная женщина не могла придумать лучшего средства, кроме женитьбы, и женила Оливера на доброй и скромной девице Елизавете Берчир (Bourchier). Действительно, брак имел самое благотворное влияние на недавнего шалуна; он ударился из одной крайности в другую и из недавнего гуляки сделался смиренником, из пьяницы и мота – постником и скопидомом; сверх того, сблизился с пресвитерианами, вел с ними диспуты, говорил проповеди, посещал их сходки, на которых эти сектаторы, подобно нашим духоборцам, юродствовали и прорицали в каком-то экстазе, будто под влиянием святого духа. Эти сходки ознакомили Кромвеля с характером пуритан и вместе с тем развили в нем ораторский дар, впоследствии принесший ему немалую пользу. Он умел говорить увлекательно, прикрашивая свою речь меткими сравнениями, заимствованными из Библии, или нравоучениями из Нового Завета. Получив небольшое имение в 600 фунтов стерлингов годового дохода на острове Эли, он переселился туда с семейством и прилежно занялся хозяйством, покуда не был избран в члены нижнего парламента (в 1628 году). Здесь он обратил на себя всеобщее внимание громовыми речами против папства и чуть не явными обвинениями высшей власти в искажении литургии первобытного пресвитерианизма. После того, вследствие расстройства домашних дел, Кромвель вознамерился переселиться в Новую Англию, но недавний королевский указ против эмиграции принудил его отказаться от переселения, и он остался на родине. При новых выборах в члены парламента Кромвель, благодаря своим происками, был избран в депутаты от Кембриджского университета. Он явился в парламент в старом кафтане, стоптанных сапогах, вообще в одежде неряшливой до цинизма, возбудившей невольный смех в присутствовавших. Однако же *Гэмпден,* взглянув на Кромвеля, верно угадал, какая мощная душа таится в этом невзрачном теле, прикрытом дрянною одежишкой.

– В настоящее время, – сказал он прочим членам парламента, – этот человек едва ли не самая гениальная личность всех трех королевств!

Начались мятежи, и в них Кромвель принял самое деятельное участие. Несомненно, что он имел тайные сношения с кардиналом Ришелье, который под рукою помогал инсургентам. Когда же английский парламент присвоил власть над войсками, Кромвель поступил в военную службу и обнаружил дарования если не гениального стратега, то именно такого полководца, который был нужен индепендентам, яростным фанатикам,

именовавшимся *Божиширатниками.* Кромвель читал своим солдатам проповеди, заставлял их петь духовные гимны, прикидываясь вдохновенным свыше, пророчил одоление на врагов и торжество, как он называл, святого народного дела. Зять Кромвеля, *Ир-тон,* весьма успешно разыгрывал роль Сеида при этом английском Магомете… В 1644 году, незадолго до роковой битвы при Мерстн-Муре, Оливер Кромвель был генерал-лейтенантом всех кавалерийских войск парламентской армии, а после сражения при Нэзби (1645), хотя и не номинально, главнокомандующим.

Итак, Англия превращена была из монархии в республику. Король Карл I в надежде, что Шотландия, его родовое наследие, не откажет ему в пристанище, не отвергнет его власти над собою, бежал в это гнездо мятежа и попал из огня да в полымя. Его встретили радушно; народ и вельможи выразили ему свои верноподданнические чувства, но духовенство – бывшее душою Ковенанта, шотландские пресвитеры, именовавшиеся *святыми,* – продали Карла I парламенту за 800 000 фунтов стерлингов, и король возвратился в Лондон – в виде пойманного беглеца, пленника. Любопытно знать (а между тем история об этом умалчивает), какое употребление сделали шотландцы из полученной ими цены крови? Шотландские ковенантисты хвалились постоянно, что они строгие последователи учения Христова и ревностные блюстители закона евангелического… Что же? Продавая Карла I, они доказали на деле, что имели полное право называться даже учениками Иисуса Христа, так как в числе Его учеников был Иуда-предатель.

Итак, парламент мог теперь, по собственному усмотрению, располагать участью короля-пленника, и республика, по-видимому, основалась незыблемо. Этого не хотели допустить индепенденты, образовавшие, помимо парламента, другой, на свой лад, имевший целью, подобно первому, верховную власть. Войска под начальством *Фэрфакса* объявили, что не намерены более повиноваться старому парламенту и признают главенство нового, в котором Кромвель был президентом, Иртон и офицеры составляли верхнюю палату, а простые солдаты – нижнюю. Полковник *Джойс* (бывший портной) с 500 кавалеристов освободил Карла I из его заключения, по приказанию Кромвеля. Эта перемена одной тюрьмы на другую произошла, разумеется, не вследствие любви индепендентов к королю (они его ненавидели), а единственно для того, чтобы дать ему возможность бежать, и бежать на континент, чего душевно желал Кромвель. В чужих краях Карл Стюарт не мог быть опасен республике, тем более что из европейских государей, конечно, ни один не стал бы

содействовать возведению его на королевский престол. Но несчастный развенчанный король имел неблагоразумие бежать на остров Уайт, занятый индепендентами, и, взятый в третий раз в плен, остался во власти Кромвеля. В этот промежуток времени приверженцы диктатора разогнали старый парламент, причем особенно отличился тележник *Прайд.* Сопровождаемый *Гаррисоном,* Карл Стюарт был привезен в Лондон и отдан под суд, состоявший из 60 членов. Короля обвиняли в государственной измене, в тирании, в подстрекательстве подданных к междоусобию. Против этого суда апеллировали 16 пэров, но на их апелляцию не было обращено никакого внимания. По распоряжению Кромвеля была наряжена следственная комиссия из 143 членов, из которых только 73 явились на первое заседание – 20 января 1649 года.

В траурном одеянии, в орденах, с покрытой головою, бледный, но спокойный, Карл Стюарт предстал пред судилищем, гордо обвел глазами всех присутствующих и сел на кресла с тем же величием, с которым он в былые времена садился на трон. Председатель комиссии *Брэндшо* начал по списку вызывать членов.

– Фэрфакс! – воскликнул он.

– Слишком умен, чтобы здесь присутствовать! – отвечалему звонкий голос с трибуны, на которой помещалась публика.

Окончив перекличку, Брэндшо объявил заседание открытым, присовокупив при этом, что суд над Карлом Стюартом есть отголосок желания всего народа.

– И не десятой его доли! – опять крикнул голос с трибуны. Председатель объявил невидимому нарушителю порядка, что он для его усмирения велит стрелять по всем зрителям. Тишина водворилась. Голос, вступивший в спор с председателем, принадлежал прямодушной и смелой жене Фэрфакса. Честь и слава памяти этой благороднейшей женщины! Карлу Стюарту было предложено несколько вопросов как подсудимому. Внятно, медленным и ровным голосом, не вставая с места, он произнес:

– Прежде нежели я отвечу на предложенные мне вопросы, я сам считаю долгом спросить: чьей волей я сюда призван? Волей моего народа? Но имеет ли право народ судить своего законного короля? По древнейшим государственным узаконениям Англии и Шотландии дворян судит палата пэров; равного судят равные, и я, первый дворянин моего королевства, требую над собою суда правильного, законного, а не комиссии, созванной неведомо кем и неведомо откуда!

Выходя из залы заседания, Карл увидел стоявший в углу топор. Прикоснувшись к нему тростью, он гордо произнес: «Я его

не боюсь!»

Карла в портшезе отнесли в назначенный для его помещения дом сэра Роберта Коттона. Конвой из тридцати офицеров сопровождал узника; верный его слуга *Томас Герберт*[3] был с ним неразлучен. Утро следующего дня (воскресенье 21 января) Карл провел в чтении духовных книг и был в продолжение всего дня невозмутимо спокоен, хотя из соседней комнаты, в которой помещались стражи, его слуха достигали насмешки и ругательства. В понедельник 22 января было второе заседание суда, на котором Карл, как и на первом, не отвечая на обвинения, требовал над собою другого, законного суда. Когда его выводили из палаты мимо живой изгороди солдат, один из них закричал: «Да благословит вас Бог, государь!»

За это офицер, сопровождавший Карла, ударил солдата тростью по голове.

– Строго же вы наказываете за такую маловажную вину, – сказал король с грустной улыбкой.

Во вторник (23 января) приведенный в суд Карл Стюарт, отрицая все взводимые на него обвинения, по-прежнему требовал от своих врагов разбирательства правильного, законного. Как бы в подтверждение справедливых требований подсудимого палата заседания в этот день походила на разбойничий притон. Солдаты, дерзко издеваясь над королем, пускали ему в лицо клубы табачного дыма, прерывали его речи, грозили ему кулаками. Один из судей, *Гарлэнд,* при выходе Карла из судилища плюнул ему в лицо. Король, не взглянув даже на этого подлеца, вынул платок из кармана и утерся. Он именно настолько становился велик, насколько его враги старались его унизить, и, вообще говоря, Карл I в нравственном отношении являл в себе редкий образец человека – высокого в своем унижении и низкого в те времена, когда находился на высоте величия. Он был жалок в короне, но достоин удивления в терновом венце несчастного мученика.

В субботу 27 января председатель суда, облаченный в красную мантию, прочел королю нижеследующий приговор:

«Общины Англии на собрании своем в парламенте созвали уголовный суд над Карлом Стюартом, королем английским, который в оный суд трижды был призываем. В первый раз ему был читан обвинительный акт от имени английского народа, объявлявший Карла виновным в государственной измене и прочих преступлениях и злодеяниях. По прочтении акта Карлу Стюарту было дано право говорить в свою защиту, от чего он отказался. За таковые измену и преступления суд постановил, чтобы означенный Карл Стюарт как тиран, изменник и враг

общественного спокойствия был предан смерти чрез обезглавление».

Король хотел говорить, но судьи встали со своих мест, а короля из суда препроводили сперва в Уайт-Голл, а потом в сент-джэмский дворец – предсмертное его жилище. Весть о смертном его приговоре произвела на весь народ ужасающее впечатление; представители Франции и других иностранных держав, находившиеся в Лондоне, предъявили формальные протесты. Четыре бывших члена парламента, лорды *Ричмонд, Герфорт, Линдсэ* и *Саутхгемптон* требовали от правительства отмены казни, ссылаясь на древний закон, в силу которого всякая ответственность за погрешности в делах государственных падала на министров, но отнюдь не на короля… Все усилия благородных защитников Карла I остались тщетны, и приговор именем народным был утвержден и подписан тринадцатью судьями. В последние три дня, предшествовавшие казни, при короле находились безотлучно, кроме Герберта, епископ *Джэксон* и капитан *Томлинсон,* начальник стражи, но, несмотря на то, человек добрый и жалостливый, исполнивший по мере возможности все предсмертные желания несчастного узника.

Супруга и два старших сына Карла I находились за границей; с ними проститься он не мог; в Англии оставались только дочь его, принцесса Елизавета, и младший, десятилетний сын, герцог Глочестер. Прощаясь с дочерью и благословляя ее, король поручил ей сказать своей супруге, что он всегда искренно любил и уважал ее, по долгу христианскому свято сохраняя супружескую верность. «Перед матерью твоею, – сказал Карл в заключение, – я безукоризненно чист, так как во всю жизнь мою не изменил ей даже помышлением!» Затем он взял на руки маленького герцога и, нежно его обнимая, сказал:

– Мне отрубят голову, дитя мое… (тут мальчик затрясся всем телом). Да, – продолжал король, – злые люди убьют меня, и, может быть, тебя, помимо старших братьев, изберут в короли. Прошу тебя и приказываю, как отец, не принимать короны, на которую ты не имеешь права, до тех пор, покуда живы старшие твои братья… Обещаешь ли ты мне исполнить эту мою последнюю волю?

– Исполню! – твердо отвечал мальчик. – Хотя бы меня за это изрезали на куски…

Отдав детям некоторые из бывших при нем драгоценностей, король навеки распростился с ними. Принцессу Елизавету замертво вынесли из комнаты. Тяжело прощаться с близким сердцу человеком, когда он лежит в гробу, холодный, недвижимый, когда гробовая крышка навсегда отделяет его от

живых, когда гроб его опускают в могилу и глухо стучат глыбы земли об эту гробовую крышку, которая, подобно самому усопшему, навсегда скрывается под землею. Не менее мучительно прощаться с человеком, лежащим на смертном одре, человеком еще живым, но минуты жизни, самые удары сердца которого – уже сосчитаны… При всем том, что значат эти страдания в сравнении с испытываемыми родными в минуты их прощания с человеком, полным сил, здоровым, во цвете лет – которого ожидает плаха или петля?

С уходом детей Карл снова овладел собою, и мужественная твердость не покидала его уже до последней минуты. Томлинсону Карл поручил переслать после казни гербовый перстень, который постоянно носил, старшему своему сыну, Карлу, принцу Уэльскому. Епископа Джэксона он просил отдать ему же орден св. Георгия, в котором король имел намерение взойти на эшафот. Из сент-джэмского дворца, накануне казни, короля перевезли во дворец Уайт-Холл, под самыми окнами которого строили эшафот, и таким образом, что он был плотно прислонен к наружным стенам дворца. Несмотря на стук топоров работников, Карл спокойно спал ночь накануне рокового дня, подкрепляя свои силы сном временным, предшествовавшим сну вечному.

Ночь с 29 на 30 января была морозная, и в комнате короля, несмотря на затопленный камин, было довольно свежо. Карл пробудился рано, при свечах, и тотчас же приказал Герберту приготовить ему одеться и подать две сорочки.

– Чтобы я не дрожал от холоду, идучи на эшафот, – сказал при этом король, – а то подумают, что я дрожу от страха!

Долго он беседовал с Джэксоном, который сопровождал его до самой плахи. Светало; восток алел; взошло, наконец, и солнце – без лучей, кровавым пятном зардевшееся сквозь морозную мглу… Королю оставалось жить не более двух часов. Сохранилось предание, будто приверженцы Карла I похитили палача, в той надежде, что казнь, за его отсутствием, будет отсрочена, а во время отсрочки они найдут возможность спасти короля. Несмотря на это (повествует то же предание), к Кромвелю явился племянник леди Стэр, когда-то обесчещенной Карлом, вызвался заменить палача и действительно заменил его, скрыв лицо под маскою… Это – фантазия романистов. Голову Карлу I рубил настоящий палач, правда, замаскированный, но это было сделано из предосторожности, чтобы лицо его осталось неузнанным; может быть, также и для того, чтобы народ не видал смущения несчастного исполнителя его воли.

Короля привели в парадный зал второго этажа, с балкона которого был выход на эшафот, обтянутый черным сукном и

окаймленный с трех сторон двойным рядом солдат. Площадь до такой степени была загромождена народом, что казалась вымощенною человеческими головами. По знаку, поданному распорядителями казни, двери на балкон распахнулись настежь, и клубы морозного воздуха, будто рой призраков, хлынули в зал, навстречу королю, твердо ступавшему на роковой помост; Джэксон шел с ним рядом; за ними следовал плачущий Герберт, судьи, стража и два замаскированных палача, один из них с топором на плече. Так как на эшафоте не могли уместиться все, сопровождавшие короля, часть их осталась в зале дворца и на пороге балкона. Палач спустил топор с плеча и положил его на плаху. Кто-то из присутствовавших, желая удостовериться, остро ли отточено страшное орудие казни, стал потрагивать его лезвие…

– Не прикасайтесь к топору! – сказал король с каким-то особенным выражением.

Этим словам, в последующем времени в память страдальца, был придан смысл пословицы, равносильной нашей: «не шути с огнем – обожжешься!» Однако же Карлу I в эти роковые минуты было не до шуток, и он просил любопытного спутника, трогавшего топор, не прикасаться к нему, чтобы как-нибудь не притупить лезвия. После того он обратился к палачу с вопросом: хорошо ли тот сумеет сделать свое дело?

– Надеюсь, милорд, исполнить все как следует! – глухо отвечал замаскированный палач.

Король говорил какую-то речь народу, но ее никто не расслышал, так как она была заглушена ропотом нетерпеливой и в эту минуту кровожадной толпы. Большинство жалели Карла, многие (даже и не женщины) плакали, а между тем, если бы казнь была отменена, те же самые плачущие первые возроптали бы на то, что их лишили зрелища, сопровождаемого сильными ощущениями, до которых народная толпа всегда и повсеместно такая великая охотница.

– Я сам подам вам знак, вытянув руки, когда можно будет нанести мне удар! – сказал король палачу, развязывая ленты у ордена св. Георгия и снимая его с шеи.

– Еще один только шаг, – сказал королю епископ Джэксон, – шаг ужасный, но краткий, и вы перейдете от жизни временной в жизнь вечную, в которой вас ожидает утешение и блаженство.

– Да, – отвечал король, – от венца тленного я перейду к нетленному…

– От земного – к небесному, – досказал епископ. – Обмен хороший!

Карл передал ему свой орден и что-то еще довольно долго

шептал ему… Потом он преклонил колена, читая молитву; положил голову на плаху, громко воскликнул: «Помните (Remember)!»

И вытянул руки… Раздался глухой удар, и вся площадь ахнула от ужаса: голова Карла Стюарта пала на эшафот. Палач не хвастал, говоря покойному, что исполнит все как следует: он был мастер своего дела.

Так окончил земное поприще сын короля Якова, искупив своею жизнию преступления отца и собственные погрешности. Хотя он и принадлежал к разряду людей, в которых недостатки перевешивают добрые качества, но в последние два года жизни он заслужил полное право на имя героя и мученика. Труп его был положен в свинцовый гроб, обитый черным бархатом, с надписью на крышке: *«Карл, король».* Гроб снесли в склеп Виндзорского аббатства и поставили рядом с гробницами короля Генриха VIII и Жанны Сеймур. Перед отправкою в Виндзор бренных останков казненного короля Кромвель приказал открыть гроб и долго, пристально всматривался в лицо обезглавленного.

– Да, – сказал он окружающим после продолжительного раздумья, – это был человек здоровой комплекции… мог бы еще пожить.

В заключение приводим читателю отзывы о Карле Стюарте двух историков: Джона Лингарда и Дэвида Юма. Как одно, так и другое достойны внимания.

«Конец Карла Стюарта, – говорит первый, – страшный урок людям, облеченным верховною властью, поучающий их следить неусыпно за успехами общественного мнения, умерять свои притязания и соображаться с разумными желаниями своих подданных. Если бы Карл жил в эпоху более отдаленную, когда чувство обиды заглушало в людях привычку покорствовать, – его царствование было бы менее обесславлено нарушением прав народных. Ему противились, он сделался тираном. Народный характер не хотел уступить злоупотреблениям власти, а король, совершив одну несправедливость, был принужден совершать целый ряд других и наконец прибегнул к насильственным мерам, которые даже его предшественниками употреблялись с крайнею осмотрительностью. В течение нескольких лет усилия его, по-видимому, увенчивались успехом, но восстание Шотландии обнаружило все самообольщения короля, который сам лишил себя власти, решась утратить доверие и любовь своих подданных».

Слова Дэвида Юма запечатлены дешевенькой моралью, которую обыкновенно пропускают мимо ушей те, кому ведать надлежит:

«Из всех государственных переворотов, совершившихся в XVII веке, англичане могут извлечь то же нравоучение, которое извлек сам король в последние годы своего царствования, а именно: как опасно государям присваивать себе власти больше, чем определено законом. Те же события приводят к размышлению о волнениях народных, ужасах фанатизма и об опасности, которой подвергаются государи, прибегая к содействию наемных войск».

Как бы то ни было, но история кровавой тяжбы между народом и королем, окончившейся роковой катастрофой, приводит каждого беспристрастного человека к тому заключению, что в этой тяжбе обе стороны были в равной степени не правы. Виноват народ, и во многом сам виноват Карл I, и за это было достаточно лишить его власти – что и было сделано: народ лишил его короны, но вместе с нею не должен был лишать его жизни и, снимая корону с головы Стюарта, обязан был щадить самую его голову. Предавая своего короля позорной смерти, английский народ доставил ему случай, первый и последний раз в жизни, выказать геройскую силу духа, и казнь Карла I была торжеством для него и позором для народа.

notes

Примечания

1

Бекингэм родился 20 августа 1592 г. в Бруксби (в графстве Лейчестер).

2

Солдаты королевских войск кавалеры по моде того времени носили длинные волосы, пуритане и индепенденты стриглись под гребенку. Отсюда их прозвище круглоголовые.

3

Этот верный Герберт в 1678 г. издал под именем Threnodia Carolina подробное описание последних дней и минут Карла I.